

По сравнению с громоздкой системой гражданских экзаменов, военные экзамены были намного проще. Они проводились раз в три года: сначала сдавали письменный экзамен по военной стратегии и тактике, а на следующий год после успешной сдачи — боевые искусства.

Войдя в здание уездного управления и подав регистрационные документы, Тун Даоцзюнь бросил равнодушный взгляд на чиновника, принимавшего бумаги, слегка изогнул уголки губ в едва заметной улыбке и повернулся, чтобы уйти.

— Ох, великий хозяин, неужели вы решили сдавать оба экзамена?! — не удержавшись от вопля, воскликнул V587, заметив, как Тун Даоцзюнь передал по одному заявлению чиновникам как гражданского, так и военного направления.

— Именно так.

Сроки проведения гражданского и военного экзаменов никак не пересекались. К тому же величайшим сожалением в жизни прежнего владельца тела, Цзянь Хуншу, было то, что он, будучи законным сыном из известного военного рода, отдал предпочтение наукам и забросил боевые искусства. Почему так вышло? Разумеется, потому что сам Цзянь Чуцин был ни на что не годным глупцом, к тому же совершенно равнодушным к первому сыну — он никогда не учил его даже азам техники копья, ведь все свои жалкие крохи мастерства передал лишь Цзянь Цзяньжэню.

Стоит признать, что раз уж Цзянь Цзяньжэнь являлся Сыном Судьбы этого мира, у него определенно хватало ухищрений. Понимая, что Цзянь Чуцин — пустышка, а переданная им техника копья семьи Цзянь — не более чем показуха, он потратил немалые деньги на поиски истинного мастера.

Поэтому в предстоящих военных экзаменах Цзянь Цзяньжэнь тоже собирался участвовать. И судя по исходному сюжету этого мира, именно он должен был завоевать титул чжуаньюаня боевых искусств. Иначе, не обладая он ни малейшими способностями и опираясь лишь на смазливую мордашку, как бы он смог плечом к плечу с Шао Цзисюном вести войска в походы против десяти царств?

Однако теперь, когда здесь был он, у Цзянь Цзяньжэня не оставалось ни единого шанса стать чжуаньюанем боевых искусств.

V587 немного понадувалось, а затем с умилением произвело:

— И-и-и, ну конечно же, мой избранный великий хозяин, до чего же у вас широкая душа! Иди сюда, дай я тебя поцелую, муа-муа!

Тун Даоцзюнь позволил шумному голосу V587 бесконечно эхом гулять у него в голове, неспешно побродил по улице, прикупил немало всяких лакомств и лишь после этого неторопливо поплелся обратно в поместье Цзинъаньского хоу.

Срок подачи документов на экзамены составлял три дня. Когда на исходе третьих суток солнце уже клонилось к закату и Тун Даоцзюнь собирался поужинать, раздался сигнал от V587.

— Докладываю великому хозяину: Цзянь Цзяньжэнь уже подкупил чиновника, отвечающего за прием заявок на гражданский экзамен, отдав за это три тысячи лянов серебра. Сегодня ночью вашу заявку собираются выкрасть.

Услышав предупреждение V587, Тун Даоцзюнь слегка приподнял уголки губ и негромко бормонул:

— Какая удачная встреча!

Затем он опустил на стол пустую пиалу из-под допитого супа, вышел за порог, сделал жест в сторону раскидистого дерева во дворе, и в тот же миг мелькнула черная тень — вновь появился Ин-эр.

Достав заранее заготовленное письмо, он протянул его Ин-эру и велел:

— Доставь это в руки твоему господину как можно быстрее.

— Слушаюсь.

Ин-эр обеими руками принял послание, надежно спрятал его, после чего тенью взмыл вверх и бесследно исчез.

Заложив руки за спину, Тун Даоцзюнь посмотрел на заходящее за горизонт солнце, слегка прищурился, а на губах его заиграла лукавая улыбка.

— Как думаешь, какое выражение лица будет у Цзянь Цзяньжэня, когда он узнает, что его три тысячи лянов серебра пойдут на пополнение государственной казны?

V587 отозвалось:

— Не беспокойтесь, великий хозяин, я буду вести наблюдение двадцать четыре часа в сутки, чтобы в любой момент запечатлеть его восхитительную физиономию.

С момента их встречи человек и система сошлись идеально, словно созданные друг для друга, и жалели лишь о том, что не встретились раньше. По мере путешествий из одного мира в другой у них стали проявляться общие дурные наклонности. Больше всего V587 обожало делать фотографии униженных и растоптанных Сыновей Судьбы, сохранять их, а затем выставлять напоказ, чтобы вместе с Тун Даоцзюнем вдоволь «насладиться зрелищем».

— Ты запечатлел тот идеальный момент, когда я сорок пять градусов смотрел на закат?

V587 обожало «коллекционировать и любоваться» удачными снимками поверженных Сыновей Судьбы, в то время как Тун Даоцзюнь предпочитал «коллекционировать и любоваться» собственными безупречными кадрами со всех трехсот шестидесяти градусов.

— Заснято и сохранено на диске С системы, чтобы великий хозяин мог в любой момент освежить память.

— Прекрасно.

Тун Даоцзюнь удовлетворенно кивнул и повернулся, направляясь в комнату. Наигравшись в загадочность, он смертельно проголодался и наконец-то мог поесть. Мм, а стряпня тетушки Хэ поистине великолепна!

Скорость, с которой действовал Шао Лиюй, можно было назвать молниеносной. Стоило Ин-эру передать ему письмо, как не прошло и часа, как того самого столичного чиновника, отвечавшего за прием заявок, донесли прямым до министра ритуалов. Из-за важности дела министру пришлось среди ночи пробиваться во дворец ко двору Императора с докладом.

Император пришел в ярость и немедленно отдал приказ схватить чиновника, ведавшего приемом заявок, бросить его в темницу и поручить Старшему принцу провести тайное расследование.

Шао Лиюй стоял у окна, держа в руке лист бумаги, и подушечками пальцев легко гладил изящный почерк в стиле «тонкое золото». Его глубокие глаза светились мягким теплом.

— Раз уж попечитель-отец поручил это расследование мне, вести дело нужно до мельчайших подробностей, предельно ясно и четко.

Студент, донесший на чиновника, оказался тайным агентом, внедренным им в среду учащихся. Министр ритуалов также принадлежал к фракции Старшего принца. Сам он не стремился вмешиваться в имперские экзамены, но отправить куда следует нужных людей — в этом недостатка не было. Хотя благородная супруга и Шао Цзисюн сидели под домашним арестом, они все еще не оставляли дурных мыслей и то и дело устраивали скрытые пакости.

А тот самый чиновник, что принимал заявки студентов, о котором упоминалось в письме Тун Даоцзюня, как раз принадлежал к клике благородной супруги и Третьего принца.

Пользуясь служебным положением, этот чиновник брал взятки, скупал чужие заслуги, наживал огромные богатства и подделывал личные дела провалившихся студентов, чтобы те могли попасть на Столичный экзамен.

Трое людей, стоявших на коленях в комнате, были самыми верными советниками и стратегами из окружения Шао Лиюй.

— Слушаемся!

Получив приказ, стратеги удалились, но один из них, уже переступив через порог, вернулся назад.

— В чем дело?

— Речь идет о молодом господине из поместья Цзинъаньского хоу.

Старший принц, простоявший у окна целых полчаса и не сменивший за это время позы, наконец повернулся к советнику.

— Говори.

— Недавно подчиненный просматривал документы кандидатов и обнаружил, что молодой господин из поместья хоу подал заявку не только на гражданский, но и на военный экзамен.

Советник искренне считал, что этот обладающий неземной красотой хрупкий юноша страдает избытком самоуверенности: с его-то тщедушным телосложением, сунься он на боевые испытания, грубые вояки переломали бы его одним пальцем.

Выражение лица Шао Лиюй не изменилось, он лишь слегка приподнял брови, а затем, словно что-то вспомнив, улыбнулся еще теплее.

— И гражданский, и военный? — слегка опустив ресницы и глядя на исписанный бумажный лист в своей руке, он пробормотал: — Сокровище мое, сколько же еще сюрпризов ты мне преподнесешь?

Он был человеком предельно рассудительным: с самых ранних лет, едва научившись мыслить, он четко знал, чего хочет. Однако те соблазны, что заставляли людей терять голову — красота, деньги, власть и страсти — никогда не были ему нужны. Даже назойливые благородная супруга и Третий принц, вечно мельтешившие перед глазами, никогда не вызывали у него интереса; для него эти люди были лишь забавными игрушками, чтобы скрасить досуг в свободное время.

В день праздника фонарей он увидел Цзянь Хуншу. То, как тот надел мешок на голову Шао Цзисюна и от души отлупил его, было чистой случайностью. Тогда Шао Лиюй просто нашел это занятным и не придавал особого значения.

Но до тех пор, пока на улице не произошло то злополучное столкновение взглядов, когда он встретился глазами с узкими, от природы полными чарующей истомы фениксовыми очами Цзянь Хуншу. В самом глубоком уголке его души что-то со страшной силой рухнуло, и из трещины раздался голос:

Он хочет этого человека.

Столь яростное желание накатило волной бурного прибоя. И хотя это казалось крайне неожиданным, почему-то все воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

В сердце жило непреложное чувство: эти чарующие, раскосые фениксовые глаза должны смотреть только на него. Стоило лишь увидеть Цзянь Хуншу, как в нем просыпался неукротимый порыв: прижать к себе, обласкать, расцеловать, влить в собственное тело.

Благодаря письму, переданному Шао Лиюю, перед самыми экзаменами поднялась буря подспудных течений. Сам же Тун Даоцзюнь проводил деньки в Южном дворе поместья хоу с поистине райским комфортом, в то время как атмосфера в соседнем Западном дворе царила мрачная и угнетающая.

Лицо Цзянь Цзяньжэня перекосило от гнева. Он отдал тому чиновнику три тысячи лянов серебра за то, чтобы тот выкрал заявку Цзянь Хуншу, но на следующий день, явившись в оговоренное место, он ждал и ждал, однако никто так и не появился.

В конце концов ему пришлось отправиться прямо к дому чиновника, но там ему заявили, что по приказу императорского двора все чиновники, причастные к делам экзаменов, не имеют права возвращаться домой до окончания испытаний.

Никого не найдя и не получив на руки регистрационный документ Цзянь Хуншу, Цзянь Цзяньжэнь занервничал. Его снесло нехорошее предчувствие, к тому же Цзянь Хуншу, то ли намеренно, то ли случайно, перестал прятаться в своем Южном дворе, как делал раньше, и теперь каждый день околачивался перед парадным залом.

Они с Шуй Чжуся поселились в поместье в качестве дальних родственников семьи Цзянь. Как бы сильно Цзянь Чуцин ни недолюбливал Цзянь Хуншу, тот оставался законным старшим сыном хозяина поместья. Хозяин — он, а они — гости, и выгнать его было абсолютно невозможно.

К тому же те несколько человек, которых Цзянь Хуншу привел с собой с улицы несколько месяцев назад, словно с цепи сорвались — каждый из них оказался не лыком шит.

Взять хотя бы этого управителя Чэнь: с виду простодушный и честный человек, но все слуги, которых он с матерью посылал в Южный двор вынюхивать новости, неизменно получали от ворот поворот под самыми разными предложениями. Затем была та грозная тетушка Хэ, которая могла напугать до смерти одним лишь свирепым взглядом, размахивая своей лопаточкой для

жарки. А еще тот молчаливый мужчина, что вечно следовал за Цзянь Хуншу: его пронзительный взгляд источал такой леденящий холод, что от него кровь стыла в жилах.

Но больше всего мать с сыном бесила служанка по имени Чуньхэ. Неизвестно, каких чудодейственных пилюль она объелась, но прежде неказистая девчонка в последнее время расцвела и похорошела. Шуй Чжуся неоднократно пыталась найти повод наказать ее, однако та всегда ловко ускользала. Они хотели выставить девку из поместья, но контракт о продаже в рабство находился у Цзянь Хуншу, и пока он не скажет хоть слово, эта девчонка так и будет мозолить им глаза по всему поместью.

Непонятно почему, но Цзянь Цзяньжэню казалось, что все должно быть совсем иначе.

Время текло неспешно, и вот наступило начало третьего месяца. Начались имперские экзамены, и вся Императорская Столица пришла в движение. Испытания проходили на Экзаменационном дворе в столице, и те, кто заходил туда на три дня, не имели права покидать территорию до завершения сроков.

— Молодой господин, в верхнем ящике экзаменационной корзины лежат кисти, тушь и прочие принадлежности. Во втором слое — сдобные лепешки и паровые булочки; с мясной начинкой долго не пролежат, захотите поесть — выйдете с экзамена, тетушка вам свеженьких наготовит. А на самом дне лежат ваши любимые сахарные шарики, — бормотала тетушка Хэ с таким волнением, что посторонним могло показаться, будто это мать провожает сына на поле боя.

На самом деле тетушка Хэ просто искренне жалела Тун Даоцзюня. Мало того, что он остался без матери в столь юном возрасте, так еще и этот хоу вел себя просто возмутительно: целыми днями предавался срамным утехам с бесстыдной Госпожой Шуй из Западного двора, носился с каким-то никчемным ублюдком как с сокровищем, а к родному сыну от покойной жены проявлял полное равнодушие. Тэ-эх, их молодой господин — такой добрый человек, раз хоу о нем не заботится, значит, они, слуги, будут о нем заботиться.

— Спасибо, тетушка, — улыбнувшись, поблагодарил Тун Даоцзюнь.

Стоявший рядом со с каменным лицом Чжань Шань взял из его рук экзаменационную корзину.

По правилам, слугам не разрешалось прислуживать господам во время трехдневного экзамена, но проводить их до входа и помочь донести вещи до начала испытаний дозволялось.

Когда Тун Даоцзюнь вместе с Чжань Шанем подошел к воротам Экзаменационного двора, оттуда внезапно вышел человек — это был Ин-эр.

— Молодой господин Цзянь, это вам передал мой господин, — Ин-эр протянул Тун Даоцзюню завернутый в масляную бумагу сверток.

Тун Даоцзюнь слегка приподнял брови и, опередив протянувшего руку Чжань Шаня, сам взял сверток. Отогнув уголок бумаги, он почувствовал, как в воздухе поплыл богатый мясной аромат — внутри лежали кусочки куриного филе с хризантемовым медом, приготовленные придворными поварами императорской кухни.

Это было его любимое лакомство. Как-то раз Шао Лиюй тайком перелез через стену поместья хоу, чтобы навестить его, и, заметив на губе возлюбленного капельку соуса, внезапно поцеловал.

На следующий день, когда Шао Лиюй прислал с Ин-эром съестное, порция куриного филе с медом и хризантемами стала постоянной — ее всегда присылали в таком количестве, чтобы Тун Даоцзюню хватило на несколько дней.

Филе в масляной бумаге явно было свежеприготовленным, еще сохранившим тепло. Его жар передался через ладонь прямо в сердце, заставив Тун Даоцзюня трепетать от неожиданности.

Спрятав куриное мясо в корзину, он наскоро набросал записку кистью и отдал ее Ин-эру.

— Передай это своему господину, мне пора на экзамен.

После этого он развернулся и перешагнул порог Экзаменационного двора, а Чжань Шань поспешил следом.

Внутри Экзаменационного двора для каждого кандидата были устроены отдельные кельи — по одной на человека. После того как проверяющие чиновники тщательно осматривали принесенные вещи и убеждались в отсутствии запрещенных предметов, на документах каждого абитуриента проставлялся личный номер.

Отыскав по номеру свою келью, Тун Даоцзюнь счел огромной удачей, что она оказалась ровно посередине.

— А фэншуй у этого места просто отменный! Сидеть здесь целых три дня... Вы с тетушкой Хэ не ждите меня у стен экзаменара, тут же сдует и зажарит на солнце.

Чжань Шань ничего не ответил, аккуратно разложил в келье все принадлежности своего господина и удалился лишь тогда, когда прозвучал сигнал к началу испытаний.

Время экзамена наступило, и вскоре двор полностью опустел. Внутри воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает игла. В отличие от других абитуриентов, чьи лица выражали крайнее напряжение, Тун Даоцзюнь выглядел куда более расслабленным. Развалившись на жестком стуле, он подпер щеку рукой и, закинув в рот кусочек куриного мяса, принялся неторопливо его пережевывать. Сладковатый аромат хризантем приятно дразнил вкусовые рецепторы, оставляя во рту долгое послевкусие. Восхитительно!

Пока он с аппетитом уплетал угощение, главный экзаменатор зычно объявил:

— Прибыл Старший принц!

Брови Тун Даоцзюня взлетели вверх. Зажав в зубах половину кусочка филе, он скосил глаза в сторону входа и увидел Шао Лиюй в парчовом халате цвета абрикосового цвета с вышитыми четырьмя драконами. В ту же секунду его глубокие звездные очи встретились взглядом с Тун Даоцзюнем.

Тун Даоцзюнь лукаво изогнул брови, подмигнул принцу, затем втянул остаток мяса в рот, не спеша прожевал и на исходе трапезы соблазнительно облизнул губы.

Черные глаза Шао Лиюй на мгновение вспыхнули, после чего он отвел взгляд. Экзаменационные чиновники начали представлять принца кандидатам, поясняя, что следующие три дня он лично будет курировать надзор за порядком.

Пока остальные абитуриенты поднимались со скамей, чтобы преклонить колени перед Старшим принцем, в душе Тун Даоцзюня ликовал целый праздник.

— Сяо Цью, скажи, неужели Шао Лиюй притащился сюда в качестве надзирателя только потому, что соскучился по мне?

V587 постоянно мониторило весь мир и, разумеется, прекрасно знало, что император назначил Шао Лиюй главным уполномоченным по надзору за этой серией экзаменов. На самом деле ему вовсе не обязательно было торчать здесь все три дня — достаточно было заглянуть пару раз для видимости.

— Да это вы сами его соблазняли, — в голосе V587 звучало глубокое презрение.

Все потому, что в записке, которую Тун Даоцзюнь передал Ин-эру перед входом в экзаменар для возвращения Шао Лиюю, было выведено всего одно предложение: «Тоска по тебе свела меня с ума».

— Никого я не соблазнял, я лишь констатировал факт. Кто просил его быть столь заботливым и присылать мне целый куль куриного филе, чтобы скрасить досуг?

Сами экзаменационные темы ни капли не волновали Тун Даоцзюня. Обладая всей полнотой памяти прежнего владельца тела, Цзянь Хуншу, он унаследовал и его глубочайшие познания. Добавьте к этому мощную духовную силу, абсолютную память и круглосуточный всесторонний мониторинг мира в исполнении V587 — составить сочинение, способное привести императора в восторг, не составляло ни малейшего труда.

И потому экзамен прошел как по маслу, а огромный сверток с медовым куриным филе от Шао

Лиюй пришлось как нельзя кстати, чтобы скоротать время и с наслаждением жевать его все эти три дня.

Эх, его Старший принц — поистине уютная, греющая душу постелька, как же можно было не тосковать по такому человеку?

Заняв почетное место на возвышении, Шао Лиюй дождался, пока проверяющий чиновник с парчовым ларцом в руках сделает шаг вперед и огласит темы. Так официально начался первый этап гражданских экзаменов.

Три дня испытаний пролетели как одно мгновение. Пока остальные абитуриенты впопыхах строчили ответы, Тун Даоцзюнь управился со всеми заданиями всего за полдня. Оставшиеся же два с половиной дня он вел образ жизни, состоящий из трех пунктов: от скуки бросал кокетливые взгляды на главного экзаменатора в лице Старшего принца, когда хотелось есть — перекусывал курочкой, а устав — сладко спал, уткнувшись лицом в стол. Инспекторы, обходившие ряды во время проверок и видевшие такую картину, невольно кривились, источая всем видом презрение: «из глины путной не лепишь».

Тьфу, и это тот самый знаменитый столичный талант? Очередное надутое дутое имя!

С окончанием экзаменов изможденные абитуриенты с растрепанными волосами, в мятых одеждах и с шатающейся походкой выползли за ворота Экзаменационного двора, где их уже ожидали родные и слуги, чтобы забрать домой.

— Почему молодой господин до сих пор не выходит? — вытянув шею и оглядываясь по сторонам, с нарастающей тревогой бормотала тетушка Хэ.

— Не спешите, молодой господин у нас человек воспитанный и уступчивый, наверняка позволил остальным выйти первыми. Эй, Сяо Чжань, у тебя глаза зоркие, гляди в оба, не прозевай! — унимал тетушку Хэ управитель Чэнь, хотя в душе сам изнывал от беспокойства.

Когда-то, подписывая тот контракт о продаже в рабство, он испытывал глубокие сомнения и страх. Но сблизившись с Цзянь Хуншу, уразумел, что этот хозяин обладает превосходным характером, умом и эрудицией, никогда не кичится своим положением перед слугами, а порой даже приносит книги, чтобы посоветоваться с ним.

Прежде он был учителем в отдаленной горной деревушке на северо-западе и бежал в столицу спасаясь от засухи. В пути его жена и ребенок погибли, оставив его одного-одинешенек на белом свете, без каких-либо привязанностей. Он уже думал, что так и будет влачить жалкое существование изо дня в день, но появление Цзянь Хуншу заново зажгло в нем надежду на жизнь.

Когда основная масса студентов уже покинула двор, последним показался сияющий, с пышущим здоровьем Тун Даоцзюнь. Заметив его, троица бросилась к нему со всех ног.

— Молодой господин, целых три дня на экзамене, должно быть, устали? Дома уже томится целебный суп, пойдемте скорее, подкрепитесь, — с трепетной заботой поддерживая юношу, запричитала тетушка Хэ.

— Я совсем не устал, эти три дня прошли весьма неплохо, — сытно поел, сладко поспал, а в перерывах подразнил сердечного друга — разве жизнь могла быть лучше?

Правда, из-за того, что он слишком усердно дразнил своего возлюбленного, сразу после экзамена его затащили в укромный уголок и хорошенько проучили.

— Молодой господин, учеба учебой, но о здоровье забывать нельзя! Посмотрите, у вас даже губа от жара полопалась, старая служанка сейчас же побежит искать лекаря за отваром.

— А? Да не было у меня никакого жара, — Тун Даоцзюнь кончиком языка провел по царапине на нижней губе.

Его раскосые фениксовые глаза сузились, излучая колдовские чары, отчего проходившие мимо абитуриенты густо покраснели.

Впрочем, гордиться этим как мужской победой, конечно, стоило, но отвар от жара выпить все же не помешало бы — ему до сих пор было жарковато. И во всем виноват этот маленький демон Шао Лиюй!

Тун Даоцзюнь вернулся в поместье Цзинъаньского хоу в сопровождении троих спутников. Стоило им ступить за ворота, как навстречу прямо из глубины двора вышел облаченный в роскошные легкие латы, излучающий свирепую ауру Цзянь Цзяньжэнь и преградил им путь.

Замыкавший шествие Чжань Шань тут же хотел выступить вперед и заслонить Тун Даоцзюня, но тот остановил его движением руки.

Не успел Цзянь Цзяньжэнь раскрыть рот, как Тун Даоцзюнь опередил его:

— Хорошая собака дорогу не загораживает, а ты перегородил.

Эти три дня экзаменов до смерти умотали человека, и почему стоило только войти в дом, как на пути непременно вставали всякие нечистые силы? Какая гадость. Придется выпить на пару пиал больше целебного супа тетушки Хэ.

Совершенно не заботясь о том, насколько тяжело на душе у соперника, Тун Даоцзюнь просто обошел Цзянь Цзяньжэня и направился со свитой в свой Южный двор.

Цзянь Цзяньжэнь от слов Тун Даоцзюня позеленел лицом. Эти легкие доспехи были заказаны

специально для военных экзаменов — Цзянь Чуцин лично постарался для него. Он только-только переоделся в них, как тут же заметил возвращающегося Цзянь Хуншу, и решил покрасоваться. Кто бы мог подумать, что эта шлюха даже не позволит ему вставить слово! В прошлый раз обозвал его ублюдком, а теперь прислуге в лицо заявляет, что он — «собака»!!

<http://bllate.org/book/22141/2306787>